

ЖУРНАЛЬ
АКУШЕРСТВА И ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ,
органъ Акушерско-Гинекологическаго Общества въ С.-Петербургѣ.
ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ 1898, № 9.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ, ЛЕКЦІИ, КАЗУИСТИКА.

I.

Памяти К. Ф. СЛАВЯНСКАГО.

† 11 сентября 1898 г.

(Читано въ засѣданіи Акушерско-Гинекологическаго Общества въ С.-Петербургѣ 24-го сентября 1898 года).

Не прошло еще пяти лѣтъ съ того дня (9 декабря 1893 г.), когда въ этой самой залѣ Акушерско-Гинекологическое Общество чествовало своего тогдашняго предсѣдателя, *Крониды Федоровича Славянскаго*, по поводу его 25-лѣтняго юбилея. Пять лѣтъ тому назадъ онъ, бодрый, здоровый, счастливый былъ среди насъ и радостно принималъ тѣ многочисленныя привѣтствія которыя не только со всѣхъ концовъ Россіи, но чуть не изъ всѣхъ странъ культурнаго міра приносились ему, какъ заслуженная дань его трудамъ, знаніямъ и таланту.

Онъ былъ счастливъ, и мы были счастливы вмѣстѣ съ нимъ, гордились имъ, какъ нашимъ сочленомъ, нашимъ избранникомъ.

Нынѣ *Славянскаго* не стало.....

Не время теперь подводить итоги его 30-лѣтней дѣятельности: будущій историкъ русской медицины *sine ira et studio* оцѣнить его заслуги и отвѣдетъ ему подобающее мѣсто среди нашихъ общественныхъ дѣятелей. Позволю себѣ сегодня лишь вкратцѣ охарактеризовать незабвеннаго усопшаго, на сколько это возможно мнѣ, какъ одному изъ его учениковъ и сотрудниковъ, близко стоявшему къ нему втеченіе семнадцати лѣтъ.

Начну съ главнѣйшихъ біографическихъ данныхъ. *К. Ф. Славянскій* родился въ С.-Петербургѣ 2 февраля 1847 г. Будучи основательно подготовленъ своею матушкою (нынѣ здравствующею), онъ 9-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Ларинскую Гимназію, которую и окончилъ въ 1863 году съ серебряною медалью и въ томъ-же году, будучи 16 лѣтъ, поступилъ въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію, откуда и вышелъ 9 декабря 1868 года со степенью лѣкаря, награжденіемъ золотою медалью и премією Иванова и съ оставленіемъ на три года при Академіи для научнаго усовершенствованія въ избранной спеціальности; 23-го мая 1870 г. онъ удостоенъ степени доктора медицины, а черезъ годъ, 21 мая 1871 г., имѣя отъ роду 24 г., получилъ званіе привать-доцента акушерства и женскихъ болѣзней; въ слѣдующемъ году *С.* былъ избранъ конференціею Академіи для посылки на два года за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. По возвращеніи изъ-за границы, *С.* съ 1874 по 1876 работаетъ въ Академіи въ качествѣ привать-доцента; въ октябрѣ 1876 г., имѣя 29 лѣтъ отъ роду, онъ удостоивается Казанскимъ Университетомъ избранія на профессорскую кафедру; пробывъ въ Казани менѣе года, *С.* осенью 1877 г. возвращается снова въ Академію, будучи избранъ на кафедру акушерства и женскихъ болѣзней съ пропедевтической клинкою, на

каковой и ведет преподаваніе IV курсу втеченіе 6 лѣтъ, послѣ чего переходитъ на кафедру клиники акушерства и женскихъ болѣзней съ преподаваніемъ V курсу; по истеченіи 25-лѣтія службы 9 декабря 1893 г. С. распоряженіемъ военнаго министра оставляется еще на 5 лѣтъ въ должности ординарнаго профессора, а 9 декабря текущаго года ему предстояло окончить свою профессорскую дѣятельность.

Вотъ сухой перечень хронологическихъ датъ, но въ этой официальной хронологіи скрывается цѣлая жизнь, полная труда, массы энергіи и всяческихъ тревоженій, полная радостей и горестей. Чего въ ней было больше—первыхъ или вторыхъ,—сразу не скажешь, одно только можно смѣло утверждать: отдыха, покоя въ ней было не много....

Еще будучи студентомъ, только что перейдя на IV курсъ, въ холерную эпидемію лѣта 1866 г. *Славянской* началъ болѣе усиленно заниматься патологической анатоміей, вскрывая трупы холерныхъ подъ руководствомъ *М. М. Руднева*, затѣмъ втеченіе IV и V курса онъ продолжалъ свои занятія въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Академіи, результатомъ чего является рядъ работъ, изъ которыхъ одну, касающуюся патологіи чахотки легкихъ, онъ доложилъ на 1-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, остальные его изслѣдованія на столько обратили на себя вниманіе Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, что оно признало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ со дня окончанія имъ курса въ Академіи. Основательныя знанія по патологической анатоміи были причиною того, что онъ по просьбѣ своихъ товарищей, студентовъ V курса, прочелъ имъ передъ выпускными экзаменами цѣлый повторительный курсъ патологической анатоміи и гистологіи.

Эти усиленныя паталого-анатомическія занятія на-

ложили неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую литературную и преподавательскую дѣятельность *Славянскаго*: значительное большинство его печатныхъ трудовъ и работъ его учениковъ носятъ патолого-анатомическій характеръ; работы его школы по анатоміи и физиологіи яичника человѣка, по патологической анатоміи дѣтскаго мѣста и яйцевыхъ оболочекъ пролили новый свѣтъ на многіе вопросы гинекологіи и акушерства и до сихъ поръ цитируются русскими и иностранными авторами, какъ не потерявшія еще своего значенія. Съ особенною послѣдовательностью патолого-анатомическій принципъ проведенъ *Славянскимъ* въ его капитальномъ руководствѣ («Частная патологія и терапия женскихъ болѣзней»), изъ котораго онъ успѣлъ выпустить, къ сожалѣнію, только два тома; въ классификаціи патологическихъ формъ, въ номенклатурѣ и пр. все, что не имѣло строго-анатомической подкладки, беспощадно отбрасывалось, иногда, быть-можетъ, даже съ нѣкоторымъ ущербомъ для узко-педагогическихъ цѣлей.

Возвращаюсь, однако, къ первымъ годамъ врачебной дѣятельности *Славянскаго*. По окончаніи курса Академіи, будучи оставленъ при ней въ качествѣ институтскаго врача, *Славянской*, по совѣту *Руднева*, рѣшилъ посвятить себя изученію женскихъ болѣзней и акушерства и сталъ такимъ образомъ ординаторомъ клиники, завѣдуемой въ то время *А. Я. Крассовскимъ*. То были времена далеко не антисептическія, и современныя воззрѣнія позволяли начинающему акушеру съ прежнимъ рвеніемъ работать въ анатомическомъ институтѣ. На сколько я могу судить по личнымъ рассказамъ *Кронида Федоровича*, ему въ то время даже гораздо больше приходилось работать за микроскопомъ, чѣмъ въ клиническихъ палатахъ и родильномъ покоѣ. Для пополненія своего клиническаго образованія онъ

на время лѣтнихъ каникулъ ѣздилъ за-границу; такъ лѣто 1869 г. онъ провелъ въ Прагѣ, гдѣ и произвелъ свое первое наложеніе щипцовъ и первый поворотъ подъ руководствомъ извѣстнаго проф. *Seiffert'a*; слѣдующее лѣто онъ проработалъ въ Вѣнѣ въ клиникѣ *Braun'a* и въ Берлинѣ у *Virchow'a*. За эти-же три года своего пребыванія при академіи, не считая другихъ работъ, онъ написалъ свою диссертацию: «Къ нормальной и патологической гистологіи яичника человека», которая затѣмъ была имъ опубликована также на нѣмецкомъ языкѣ (*Virchow's Archiv*, Bd. 51, стр. 470—495) и обратила на себя вниманіе специалистовъ.

Получивъ вскорѣ званіе привать-доцента, Славянской въ февралѣ 1872 года отправляется въ двухлѣтнюю заграничную командировку. Здѣсь жажда знаній, обуревающая 25-лѣтняго ученаго, находитъ себѣ обильное удовлетвореніе: сначала онъ работаетъ въ Германіи, въ лабораторіи извѣстнаго Лейпцигскаго физиолога *Ludwig'a*, занимается эмбриологіей подъ руководствомъ *Schwalbe*, въ клиникѣ *Credé* впервые на большомъ матеріалѣ знакомится съ современной оперативной гинекологіей; оттуда отправляется въ Англію, занимается подъ руководствомъ *Mathews Duncan'a* и только что получившаго профессору *Alexander Simpson'a*, лично знакомится и близко сходитъ за совместною работою съ творцомъ антисептики *Lister'омъ*, изучаетъ гинекологическую хирургию у *Robert Barnes'a* и патріарха оваріотомистовъ *Spencer'a Wells'a*; далѣе онъ направляется въ Парижъ, гдѣ посѣщаетъ усердно клиники *Depaul'я*, *Gallard'a* и пр., слушаетъ лекціи *Claude Bernard'a*, а главнымъ образомъ работаетъ въ лабораторіи *Ranvier* въ *Collège de France*. Результатомъ этой кипучей дѣятельности является цѣлый рядъ научныхъ работъ, за которыя Лейпцигское акушерское, Эдинбургское акушерское и Парижское анатомическое

Общества избираютъ его своимъ членомъ, — честь, не легко оказываемая иностранцу, да еще въ такіе молодые годы.

Быстро промелькнули эти два года научнаго труда въ центрахъ европейской культуры, и вотъ — приходится возвращаться на родину.... Здѣсь *Славянскому* впервые довелось познакомиться съ суровыми требованиями жизненной прозы; въ началѣ 1875 года кончается срокъ его прикомандированія къ Академіи и его передаютъ въ распоряженіе главнаго военно-медицинскаго управленія, которое и назначаетъ его младшимъ баталіоннымъ врачомъ 13 Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка. Къ счастью, нашлись добрые люди, достаточно вліятельные, чтобы молодого, не только много общающаго, но уже много сдѣлавшаго ученаго, готоваго съ честью занять профессорскую кафедру, спасти для научной дѣятельности: *Славянской* зачисляется сверхштатнымъ акушеромъ столичной полиціи безъ жалованія и такимъ образомъ получаетъ возможность остаться въ Петербургѣ и работать. Въ качествѣ приватъ-доцента онъ читаетъ лекціи студентамъ академіи, руководитъ работами молодыхъ врачей въ лабораторіи и пр.

Проходитъ еще два года. Въ это время, за выходомъ въ отставку академика *А. Я. Крассовскаго*, освобождается кафедра. Выступаютъ конкурентами на нее два кандидата, адъюнкты-профессоръ *М. И. Горвицъ*, и пр.-доцентъ *К. Ф. Славянской*. Не буду передавать всѣхъ перипетій этого соревнованія, скажу только, что вопросъ о замѣщеніи вакантной кафедры не разрѣшался цѣлыхъ 2 года. Каково было душевное состояніе *Славянскаго* въ это время, — нѣтъ надобности объяснять. Но въ это время, въ октябрѣ 1876 г., совѣтъ Казанскаго университета избираетъ *Славянскаго* экстра-ординарнымъ профессоромъ акушерства и жен-

скихъ болѣзней; 29-лѣтній профессоръ отправляется въ Казань. Передъ его отъѣздомъ туда, его слушатели, студенты IV курса Академіи, подносятъ ему адрессъ, который я позволю себѣ здѣсь привести:

«Многоуважаемый профессоръ! Мы, наконецъ, дожили до того времени, когда человѣку съ талантомъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу не нужно много времени для проявленія себя въ истинномъ свѣтѣ. Вы втеченіи только одного учебнаго полугодія успѣли уже привязать насъ къ себѣ своимъ знаніемъ дѣла, способомъ преподаванія и обращеніемъ съ нами; Вы успѣли уже сгруппировать около себя людей, занятыхъ исключительно научными вопросами подъ Вашимъ руководствомъ. За все это мы, русскіе студенты, и выражаемъ Вамъ глубочайшую благодарность.

Но не дожили мы еще до того времени, когда талантливый и честный ученый можетъ свободно проявлять себя на научномъ поприщѣ, не стѣняемый закулисною работою темныхъ силъ, единственная задача которыхъ—не наука и наша общая польза, нѣтъ! ихъ задача—вредить всему русскому вообще, и въ частности систематически препятствовать свободному ученому развитію и дѣятельности нашихъ молодыхъ силъ. Вотъ о чемъ, многоуважаемый профессоръ, мы выражаемъ Вамъ наше величайшее сожалѣніе. И въ ту минуту, когда Вы насъ оставляете, и когда мы говоримъ Вамъ грустное «прощай», позвольте намъ питать надежду, что современемъ мы будемъ привѣтствовать Васъ нашимъ искреннимъ «добро пожаловать»!

(Подписи 184 студентовъ IV-го курса).

7-го февраля 1877 г.

Я привелъ здѣсь этотъ адрессъ, съ одной стороны, чтобы отгнѣнить отношеніе учащейся молодежи къ *Славянскому*, а съ другой—чтобы дать хотя нѣкоторое

представленіе о господствовавшей тогда духовной атмосферѣ.

Но, какъ-бы то ни было, *Славянскому* не долго пришлось пробыть въ Казани: вопросъ о замѣщеніи вакантной кафедры въ Академіи былъ, наконецъ, рѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы сохранить обоихъ кандидатовъ, причемъ *Горвицу*, какъ болѣе опытному практику, было поручено преподаваніе V курсу, а *Славянскому*, какъ имѣющему лучшую теоретическую, научную подготовку, предоставлено преподаваніе IV курсу, при чемъ *Горвицъ* взялъ себѣ, хотя меньшую, но гораздо лучше обставленную клинику баронета *Вилліе*, а *Славянскому* досталась госпитальная клиника, лишенная необходимыхъ инструментовъ, какихъ-бы то ни было учебныхъ пособій и лабораторныхъ приспособленій, если не считать стоявшаго на шкафу въ пыли аппарата Коопа и Мора. Всѣмъ приходилось обзаводиться за ново при самыхъ ничтожныхъ денежныхъ средствахъ, отпускаемыхъ Академіею на учебныя пособія кафедры. Но молодой профессоръ не унывалъ и энергично принялся за приведеніе клиники въ должный порядокъ; явились молодые силы, врачи и студенты, и работа закипѣла; создалась лабораторія, появились микроскопы, положено начало патолого-анатомическому музею и пр.

Такимъ образомъ годы текли. Клиническая работа съ каждымъ годомъ увеличивалась; въ акушерскомъ отдѣленіи введены принципы антисептики, въ отдѣленіи женскихъ болѣзней терапия, идя въ уровень съ быстрымъ развитіемъ оперативной гинекологіи, принимала все болѣе и болѣе выраженное хирургическое направленіе. Не могу не сказать при этомъ нѣсколькихъ словъ объ отношеніи *Славянскаго* къ гинекологической хирургіи, вообще. Въ гинекологіи, какъ наукѣ сравнительно молодой, больше, чѣмъ въ какой

либо другой отрасли медицины, возможны увлеченія, какъ всегда — нѣсколько одностороннія, въ сторону различныхъ новшествъ, особенно въ области оперативной техники, — возможны, такъ сказать, модныя теченія. *Славянский* зорко слѣдилъ за этими новшествами: свободное владѣніе тремя иностранными языками, богатая собственная библіотека со всѣми текущими гинекологическими журналами, частыя поѣздки за границу, — все это давало ему полную возможность быть au-courant всего совершающагося на Западѣ. И дѣйствительно, какъ я сказалъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣми нововведеніями, при чемъ одни изъ нихъ быстро принималъ, надъ иными долго задумывался, наблюдалъ результаты, достигнутые въ данномъ вопросѣ другими гинекологами, и только послѣ этого приходилъ къ тому или иному рѣшенію, а третьи — принципиально отвергалъ съ самаго начала. Онъ слѣдилъ, если такъ можно выразиться, за модою, но не руководствовался ею. Это обстоятельство давало не рѣдко поводъ къ укорамъ по его адресу, къ обвиненіямъ его въ излишнемъ консерватизмѣ, чуть-ли не въ отсталости: онъ объ этихъ укорахъ зналъ, но не смущался ими, не позволялъ имъ сбить себя съ пути, признаваемого имъ правильнымъ. Но тутъ-же я долженъ отмѣтить одну очень характерную черту въ *Славянскомъ*: онъ своихъ мнѣній не навязывалъ никому, даже врачамъ, работающимъ въ его клиникѣ, — онъ позволялъ производить въ клиникѣ операціи, отъ которыхъ онъ самъ лично отказался. Такое уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, такую скромность, такое отсутствіе вѣры въ собственную непогрѣшимость не всегда можно встрѣтить въ лицѣ, обладающемъ научнымъ и служебнымъ авторитетомъ профессора, стоящаго во главѣ клиники.

О дѣятельности *Славянского*, какъ профессора, я не буду вдаваться въ подробности. Эта дѣятельность

достаточно всѣмъ извѣстна, — она прошла на глазахъ цѣлаго ряда поколѣній студентовъ и врачей. Въ качествѣ лектора, онъ не былъ ораторомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, но когда онъ говорилъ, его нельзя было не слушать: недюжинный широкой умъ сквозилъ въ каждомъ его словѣ. Для примѣра я укажу на рѣчи, которыя, въ силу установившагося въ нашемъ Обществѣ обычая, приходилось ему произносить въ нашихъ засѣданіяхъ, въ качествѣ председателя или товарища председателя; онѣ всегда затрагивали какую—нибудь животрепещущую тему, всегда были полны интереса; онѣ могли вызывать споры, съ высказываемыми въ нихъ воззрѣніями можно было не соглашаться, но онѣ всегда были содержательны, умны, оригинальны и будили мысль. Кто изъ насъ не помнитъ его рѣчей о «Perimetritis lateralis», о «Laparotomia conservativa» и пр.?

Литературная дѣятельность *Славянскаго* необыкновенно велика. Кромѣ вышедшихъ подъ его редакціей переводныхъ сочиненій, помимо редактированныхъ имъ періодическихъ изданій и сборниковъ, имъ лично опубликовано болѣе 50 оригинальныхъ научныхъ трудовъ, въ томъ числѣ его учебникъ по женскимъ болѣзнямъ; кромѣ того его непосредственными учениками, подъ его руководствомъ, напечатано болѣе 250 работъ. Если раздѣлить это общее число на 30 лѣтъ, то на каждый годъ придется болѣе 10 научныхъ работъ.

Слабымъ утѣшеніемъ въ потерѣ такого дѣятеля да послужить намъ то, что онъ, сходя съ жизненной сцены, покидаетъ ее далеко не безслѣдно, а оставляетъ намъ богатое интеллектуальное наслѣдіе въ лицѣ цѣлой созданной имъ школы, многіе представители которой занимаютъ профессорскія кафедры въ нашихъ университетахъ. и что его значеніе еще при жизни достаточно было оцѣнено какъ на родинѣ, такъ и въ чужихъ земляхъ:

К. Ф. Славянский состоялъ членомъ (учредителемъ, дѣйствительнымъ, корреспондентомъ и почетнымъ) въ 28 русскихъ и 17 иностранныхъ ученыхъ обществахъ.— Отпразднованный нами 9-го декабря 1893 года двадцатипятилѣтній юбилей его наглядно показалъ, какою громадвою популярностью пользуется имя *Славянскаго*, какъ на родинѣ, такъ и далеко за ея предѣлами; въ этотъ день имъ были получены адреса, привѣтствія, письма и телеграммы отъ нѣсколькихъ сотъ учреждений и лицъ, начиная съ медицинскихъ факультетовъ университетовъ, гинекологическихъ обществъ Европы и Америки, врачебныхъ обществъ Россіи отъ Архангельска до Тифлиса и отъ Варшавы до Забайкалья, клиникъ, больницъ, продолжая паціентками со всѣхъ концовъ Россіи, личными друзьями, товарищами, и кончая сидѣлками его клиники, привѣтствовавшими его необыкновенно душевною рѣчью.

Не маловажная заслуга *Славянскаго* передъ русскимъ врачебнымъ сословіемъ заключается въ томъ, что онъ въ 1881 году въ Москвѣ, во время происходившихъ по поводу 50-лѣтняго юбилея *Н. И. Пирогова* торжествовъ, предложилъ устраивать періодическія сѣзды врачей, которыя вскорѣ и осуществились подъ именемъ Московско - Петербургскаго Медицинскаго Общества, а затѣмъ, по предложенію того-же *Славянскаго*, они расширились во всероссійскіе сѣзды Общества русскихъ врачей въ память *Н. И. Пирогова*. *Славянский* много потрудился надъ организаціей этого новаго дѣла, состоя не разъ членомъ правленія, секретаремъ и редакторомъ его изданій.

Послѣдніе 8 лѣтъ *Кронидъ Федоровичъ* принималъ участіе въ земской дѣятельности, состоя гласнымъ Валдайскаго Земскаго Собранія, членомъ земской ревізійной комиссіи, попечителемъ сельской школы и пр.

Вообще, дѣятельность *Славянскаго* поражаетъ своею

разносторонностью и плодотворностью, хотя ему пришлось идти, какъ выражается одинъ изъ его біографовъ, «далеко не по гладкому пути,—всюду встрѣчались препятствія, затрудненія и не рѣдко черная неблагодарность за сдѣланное доброе дѣло». Не удивительно, что жизненные испытанія сдѣлали его немного пессимистомъ и мизантропомъ; вообще-же, въ отношеніяхъ къ людямъ онъ былъ врагъ всякихъ недомолвокъ, затаенныхъ мыслей и скрытыхъ чувствъ: онъ любилъ все приводить въ ясность, и потому съ нимъ такъ легко жилось.

Посвятивъ наше сегодняшнее засѣданіе памяти *Кронида Федоровича*, мы, конечно, еще разъ помянемъ его добромъ, какъ инициатора нашего Общества. Всѣмъ вамъ извѣстно, что имъ выработанъ проектъ нашего устава, и имъ, было созвано первое собраніе учредителей нарождавшагося, перваго въ Россіи, Акушерско-Гинекологическаго Общества. Съ 1885 года всѣ свои сообщенія онъ дѣлалъ въ нашемъ Обществѣ, всѣ свои печатные труды отдавалъ нашему «Журналу», которому онъ также отдалъ не мало своего времени, труда и, главное, любви. Пусть-же память этого выдающагося научнаго дѣятеля, талантливаго врача, образцоваго товарища и безусловно-благороднаго человѣка на вѣки сохранится въ средѣ нашего Общества. Миръ его праху!

Андрей Фишеръ.

С.-Петербургъ,
24-го Сентября 1898 г.